

Рассматривается динамика сфер общества, роль культуры в целом, искусства и его отдельных видов в конструировании образа города. Вводится понятие периферности (со ссылкой на Г. Станишева) как особой ситуации в современном мире, возникающей в противовес глобализации и унификации социальных потоков. Ставится вопрос о ресурсах периферного положения для развития социальных систем. Анализируется роль искусства в духовной культуре, его возможностей как системы мировоззрения и практики, способствующих осознанию уникальности положения периферных мест.

Ключевые слова: город; социальная система; социальное пространство; социальные практики; искусство; культура; периферность; социальная динамика; история; мифология; религия; мировоззрение. /

The article reviews the dynamics of the spheres of the society, as well as the role of culture as a whole and of arts in building the image of the city. It introduces the notion of "periphery" (with the reference to G. Stanishev) as a peculiar situation in the modern world, which occurs in opposition to globalization and unification of social flows. The article addresses the question of the resources of the peripheral situation required for development of social systems. The author analyses the role of art in intellectual culture and studies it as a system of world view and practice, which encourages comprehension of the uniqueness of the peripheral places.

Keywords: city; social system; social space; social practices; art; culture; periphery; social dynamics; history; mythology; religion; world view.

^ У Дончакова все просто и взято прямо с земли: кусок дерева, кора, плетень – вот вам и мастерская, вот вам и живая голова...

Между Польшей и Китаем / Between Poland and China

текст
Марина Ткачева /
text
Marina Tkacheva

Сознание не только отражает мир, но и творит его.

Ленин

Название – часть цитаты, взятой из стихотворения Ю. Мориц; однажды я использовала ее в эпиграфе к своей ранней статье об Иркутске «Поиск образа города» [1]. Замечу, что понимать заголовок не следует буквально; очевидно, проще было бы сказать, как это сформулировал Георги Станишев во время интервью и мастер-класса на прошедшем фестивале «Зодчество Восточной Сибири-2017»: «люди периферных систем выбирают между центрами, и это составляет основу их свободы» [2]. Формулировка длинновата для названия, хотя содержательна и концептуальна. В ней содержится как минимум несколько векторов для анализа.

Во-первых, признание некоего города в качестве периферной системы (мне очень понравился этот термин; хочу его ввести хотя бы в личный мыслительный обиход). Не все признают правомерность такой позиции в отношении Иркутска (об этом несколько ниже). Я исхожу из установок, что периферность – не провинциальность, и в этом понятии отсутствуют оценочные оттенки: оно обозначает лишь оппозицию центру, положение которого уже не подвергается сомнению. Напротив, в самом периферном положении (полностью присоединюсь к Г. Станишеву) гораздо больше ресурсов для развития, чем в положении центра.

Во-вторых, это понятие может быть применено и в отношении внутригородских структур, тех систем отношений, которые мы определяем как «культуру», «экономику», «политику» и т.д. При центровом положении одних сфер жизни некоторые другие могут оказаться в статусе периферных, а все процессы, характерные для центральности и периферности, сохраняются. В классической французской социологии XX века этот феномен описал Пьер Бурдьё, дав ему название социального поля и предварительно набросав панораму социального пространства как формирования, самоопределения полей и их взаимодействия [3]. Существенно, что внутри каждого из них кристаллизуются собственные критерии идеального, допустимого, одобряемого. Они вовсе не обязательно ориентированы на успех, измеряемый количеством денег,

получаемых за труд, то есть на чисто экономические и финансовые результаты. В каждом из них постепенно формируются не зависящие от других полей мировоззренческие убеждения, создающие базу для «инерции» – самодвижения поля, которое имеет и свой собственный темп развития.

В-третьих, внутри каждой из сфер тоже обнаруживаются свои центры и периферность: центр власти *contre* периферия («пирамида власти»); «образцовые» школы *contre* аутсайдеры; лидеры архитектурных школ *contre* новички, непрофессионалы, подражатели... В классической для меня работе Рэндалла Коллинза «Социология философий» отношение внутри сообщества философов характеризуется как «область сосредоточения внимания» [4]; это качество автор распространяет и на другие виды интеллектуальной деятельности. Такое использование возможно, кроме того, еще и потому, что социальное мышление ориентировано на феномены значимости, ценности, а не истины, что придает еще больший вес выбору мировоззренческих ориентаций.

В моей давней статье идея была сформулирована так: в Иркутске существует разнонаправленное движение ментальных усилий одновременно в прошлое и в будущее (если считать, что движение в будущее идет через настоящее). Мне кажется, что за десять лет, прошедшие со времен написания той статьи, эти две линии стали даже более отчетливыми. Я по-прежнему уверена, что не столько предметная среда определяет мышление, сколько интеллектуальные установки детерминируют картину городского мира, выбор тех локусов, которые людям представляются системообразующими и которые имеют качества предметности. При этом установки акторам представляются само собой разумеющимися и не нуждающимися в дополнительном обсуждении; в определенном смысле люди воспринимают их как врожденные или всосанные с молоком матери.

Вопрос: что может стать той моделью, тем «предельным отношением» (как выражался историк А. И. Неусыхин), к которому можно логически подвести интуитивные и рационально обоснованные модели видения города и его оригинальности? Замечу, что «предельное отношение» – вовсе не самое статистически многочисленное

явление; так, М. А. Барг и А. И. Неусыхин отмечали, что, например, рабовладение ни в Греции, ни в Риме не были самым распространенным явлением. Присутствие «предельного отношения» означает, что факты, относящиеся к этой категории, считаются наиболее привлекательными, интересными, перспективными, к ним стремятся, тяготеют, берут за образец. Изменчивость – атрибутивная особенность, коренным образом характеризующая жизнь современного города, а «векторность», направленность – непереносимое качество любого процесса. Именно эти особенности и фиксирует понятие «предельное отношение».

В сегодняшней информационной, предметной и архитектурной среде Иркутска почти равно значимы несколько установок.

1. Интуиции столичности, сознание того, что мы живем в центре, что город – губернский, источник власти, концентрация идей. Безусловно, присутствие прошлого в разных вариантах подпитывает эти импульсы. Исторически значимой архитектурой являются памятники: храмы, иногда деревянная застройка. Монумены, находящиеся в городе (памятник В. И. Ленину), восстановленные (Александр III на набережной Гагарина) или воздвигнутые в последние годы (памятник Якову Похабову на Нижней набережной; памятник Колчаку; бюст Сперанского на вновь поименованной площади Сперанского, ранее сквере Кирова), «заточенные» на «пафосность» и возвеличивание себя. К очередному Дню города опять были размещены по городу плакаты про «любимый город» с фотографиями двух наиболее прозрачных по символике монументов – Похабова и Александра III. Их устойчивость, неподвижность, прочность создают некую иллюзию «постоянства памяти» и постоянства прошлого. Прочитывается подобная мысль и в тексте Марка Сергеева: «Нас встретит столица таежной Сибири, любимый Иркутск, середина Земли».

Подчеркну, что опора на историю не обязательно связана с сознанием столичности. История богата ресурсами, смыслами, и каждый раз из ее «запасников» извлекается то, что соответствует потребностям данного момента или данного сообщества, или же всем известные факты перечитываются по-новому. В подтверждение могу привести известный афоризм о том, что Россия – страна непредсказуемым прошлым.

В Иркутске есть прецедент подобного рода. Вокруг фигуры адмирала Колчака до сих пор не утихают споры и битвы. Его заслуги как исследователя Сибири и во время Первой мировой войны отмечали не только приверженцы белого движения: о сохранении Черноморского флота (правда, без упоминания фамилии Колчака) писали и советские историки. Литературная обработка «колчаковского сюжета» также происходила и в эмигрантской (И. Шмелев, И. Бунин, А. Куприн), и в советской (Д. Бедный, Н. Асеев, В. Маяковский) литературе. С завидным постоянством они возобновляются в постсоветской литературе и общественном мнении (публикация «Красного колеса» А. Солженицына); тем более, что расширение исторического горизонта, начиная с периода перестройки, стало «хорошим тоном» как ученых-специалистов, так и литераторов нового поколения. Иркутские «страсти по Колчаку», начались, пожалуй, с постановки в Иркутском драмтеатре пьесы Сергея Остроумова «Звезда адмирала» (премьера 1998 г., постановка В. Кокорина). В 2004 г. установлен 4-метровый монумент Колчака. А в июле уже текущего, 2017 года возникло дело, инициированное адвокатом О. Федоровым, о сносе памятника и уничтожении всех упоминаний о Колчаке в городе, начиная с надписи на Иркутском краеведческом музее (бывшее здание ВСОРГО). Напомню, что объявление о предстоящей установке памятника адмиралу вызвало

неоднозначную реакцию горожан: более искушенные в истории говорили о недопустимости его установки, напоминая о многочисленных жестоких расправах, творимых Колчаком в Сибири, а обыватели апеллировали к жалости, покаянию и достоинствах адмирала. Одно время ему приписывалось авторство слов романа «Гори, гори, моя звезда» - из-за созвучности настроения романа и предсмертного тюремного заключения Колчака. 20 июля 2017 г. О. Федорову в иске отказано. Может ли столь противоречивая фигура стать основой идентичности? Нет; именно по причине ее конфликтности. По той же причине уничтоженный уже на моей памяти дом Ипатьева, место расстрела царской семьи, и построенный почти на его месте Храм-на-Крови не стали мейнстримом Екатеринбурга. Поиск идентичности предполагает определенную «одностовольность», негласно принимаемое всеми положительное значение чего-либо; в наших случаях она явно отсутствует.

2. Установка транзитности, неустойчивости, стремление уехать и искать успеха в более перспективных местах, где «больше жизни», «интереснее». Об этой черте городского сознания говорится часто и почти всегда в утвердительной форме. Движение, мобильность так же укоренены в иркутской жизни и мышлении, как и история. Обратимся, например, к значимому событию в городской жизни прошлого – запуску первого трамвайного маршрута. Он шел от железнодорожного вокзала до рынка. И тот, и другой объекты – символы движения, перемещения денег и перемещения в пространстве. Купечество, приносящее в город богатство, тоже было весьма подвижным сословием. Ссылка или реабилитация после лишения в правах – все это потоки людей, изменение их статуса. В советские времена усиление мобильности детерминировано и сибирскими стройками такого масштаба, который требует участия масс людей, охотно срывающихся с насиженных мест в поисках независимости и романтики. Город не пустует, пополняясь приезжими из малых городов, замирающих сел, трудовыми мигрантами, которые приезжают «на передержку» – и оседают на неопределенное время. Ностальгирующие люди поколения моей мамы также не чужды идее перемещения: вспомним песни 60-х. Вот первое, что приходит в голову: «А река бежит, зовет куда-то/ Плывут сибирские девчата/ Навстречу утренней заре/ По Ангаре» (Слова С. Гребенникова, Н. Добронравова).

Мобильность, кроме того, – признак молодости, для которой старые дома – ветхие «деревяшки», музеи – «факультеты ненужных вещей», а столичность олицетворяется новыми объектами, которые если не повторяют, то соотносятся со знаменитыми символами (Биг Бен, Триумфальная арка). Даже такая мелочь, как торговые вывески, впитывают «микс» латиницы и кириллицы («Mesto vstrechi», «Matrionoshka», «MaGISраль»), намекая на «лучшие места на земном шаре» и необходимость для достижения этих мест хотя бы примерно ориентироваться в принятых «там» текстах. В этом же потоке «великого кочевья» находятся родители, отсылающие детей учиться

^ Две ипостаси: кровавый диктатор и прекрасный собою мудрый полководец

в хорошие иногородние вузы, чтобы они уже не возвращались, а «нашли судьбу» подальше от «этого гнилого города».

3. Но есть горожане разных возрастов и сословий, живущие и желающие жить здесь. Они находят ресурсы и режимы оправдания в тех же моментах городской жизни, что и другие категории иркутян. Главной и для этой категории жителей оказывается история. Именно для них особенно актуальны поиски нестолличности, периферности как оригинальности, уникальности города, причины гордиться им и чувствовать свою сопричастность его жизни. Вряд ли могут содействовать этому успехи города в экономической или политической сферах, для которых существуют вполне общезначимые критерии сравнения успехов и достижений.

Но характеристики сферы символического капитала качественно иные. Ее образуют такие области, как религия, мифология, искусство. Даже торговля продуктами символической деятельности (продаваемость – вполне современный процесс: современный по менталитету человек представляет, что «все продается») представляет такое взаимодействие, где действует логика нетоварной экономики, по сути – докапиталистической. Именно поэтому она и находится на периферии сознания. Но это качество делает возможным ее противопоставление современному экономическому порядку вещей и логике экономизма. Как формы мировоззренческой рефлексии, миф, искусство и религия выступают универсальными системами, объединяющими личностное и общезначимое, веру, переживание и знание. Все они укоренены в своей собственной истории и в истории места, что и является основой их авторитетности. Может показаться, что это касается в первую очередь мифа и религии, которые апеллируют к своей древности как признаку аутентичности. Но об автономии эстетической способности, на которой основывается художественная практика, писал еще в XVIII веке И. Кант [5].

В системе видов искусства, в свою очередь, существует своя периферия и свой центр, имеющие исторически изменчивый статус. Гегель в «Эстетике» [6], выделяя три этапа в эволюции идеала (=единства духа и материи, данных в чувственно-воспринимаемой форме), писал, что каждому этапу соответствует свой образцовый вид искусства; остальные виды приобретают подобную ему форму. В Египте «центровой» вид – архитектура; остальные – архитектуроподобны. В античной Греции таким видом является скульптура; начиная со Средневековья – литература. Схема имеет несколько надуманный характер, но для рассмотрения более коротких периодов имеет смысл, ибо позволяет отследить пути и способы влияния искусства-лидера на другие. Если в XIX веке системообразующим видом можно признать литературу, то начиная со второй его половины приоритеты меняются, и пальму первенства перехватывают изобразительные виды, в первую очередь – живопись. В них происходят самые существенные новации. Но статус лидера так же текуч и изменчив, как и положение аутсайдера.

К концу XX века сами изобразительные виды дробятся, а взаимодействие некоторых из них с социальными процессами и приоритетами приобретает драматический характер борьбы за власть над умами, чувствами и деньгами, за право реализации проектов. Распространяется «искусство действия», в котором произведением выступает сам процесс создания (от футуризма до современных форм интервенционализма и акционизма). Живопись, оказываясь на второстепенных ролях в системе современной художественной деятельности, в достаточной мере сохраняет статус «искусства для искусства», в высокой степени ориентируясь на критерии эстетического совершенства и серьезного профессионализма. По-

этому к ней применимы критерии искусства как такового, сформулированные И. Кантом в указанной работе.

Искусство в его концепции – область эстетического вкуса, которая отвечает следующим требованиям.

1. Суждение вкуса, наше представление о красоте, – незаинтересованное, не связанное с практической пользой и самим существованием предмета: «... важно не то, в чем я завишу от существования предмета, а то, что я делаю из этого представления в себе самом... для того, чтобы быть судьей в вопросах вкуса, нельзя ни в малейшей степени быть заинтересованным в существовании вещи» [7]. Если с этой точки зрения рассмотреть ресурсы живописи в жизни современного Иркутска, то именно она может стать способом преодоления символической пустоты, которая наблюдается в сознании и мнении критиков города. Поведение зрителя в отношении произведений изобразительного искусства почти всегда бескорыстно, если они представлены в экспозициях, музейных коллекциях и студиях.

2. Прекрасное в качестве основы и результата суждения вкуса – то, что без всякого логического обоснования доставляет незаинтересованное ВСЕОБЩЕЕ удовольствие; оно притязает на всеобщность просто потому, что человек – это родовое существо [8]. Не потому, что он принадлежит толпе или массе (роду в архаическом смысле), а потому, что он – независимая личность, и это входит в его сущностные характеристики, «само собой разумеется». Первый вывод есть обоснование второго, ибо только тогда человек внутренне свободен как от мнения окружающих (от принуждения), так и от собственных эгоистических устремлений, демонстрируя свободу от узкопрагматического или политического интереса. Сконструированная каждым из создателей и потребителей искусства картина мира оказывается общепригодной, дающей возможность диалога сквозь пространство и время по поводу образа города. Добавлю, что заинтересованность в такой картине мира возникает не только потому, что нам интересен художник, но еще и потому, творчество художника укоренено в самом менталитете сообщества; пусть даже его присутствие незаметно для участников.

3. Признание объекта прекрасным имеет в качестве своей основы его ФОРМАЛЬНУЮ целесообразность, то есть возможность распознавать чувственно воспринимаемые признаки, создающие систему сигналов об его совершенстве [9]. Но любая форма чревата свободой интерпретации содержания: чем более совершенна форма, тем большую свободу интерпретации она допускает. А совершенство формы напрямую зависит от того, что еще Аристотель назвал умением «прекрасно изобразить лицо» в противовес умению просто «изобразить прекрасное лицо». Он писал о профессиональной подготовке живописца, и с ее необходимостью никто не спорит. Таким условием в Иркутске является существование весьма качественной художественной подготовки и значимой в масштабах России художественной школы, ведущей свою историю от основателя художественного училища И. Л. Копылова и его первых учеников. Иркутск остается центром притяжения для художников не только потому, что Байкал и Ольхон – источники вдохновения. Непосредственный контакт с творческими личностями, их мастер-классы и выставки делают Иркутск интересным и востребованным художественным центром: искусство было и остается «концентратом» креативности, столь притягательной не только для молодежи.

Художественное сознание – это и сложная система деятельности, и способ переработки уже существующих смыслов. И чем меньше стоит запретов на пути переосмысления духовных феноменов, тем интереснее получаются результаты.

Однажды во время поездки по Краснодарскому краю друзья завезли меня в станицу Усть-Лабинская, в тамошний краеведческий музей. Мне с гордостью показали какой-то уникальный ткацкий станок, который был сконструирован местным умельцем-непрофессионалом и которым восхищались приехавшие однажды японцы. Посетили мы и филиал музея, устроенный в доме самодельного скульптора И. А. Дончакова. Но это не «академический» музей: это студия детского творчества, место размещения его скульптур, которым не хватило места на площадках и улицах городка. Сюда приносят и привозят всякое старье (чемоданы, старые телефонные аппараты, сумки, необычные тыквы) и где про бывшего хозяина дома И. Дончакова, который украшал город своими работами и поощрял всякое изобретательство, я услышала от дородной тетеньки в шлепанцах. Она с любовью и стихийным талантом рассказчика показывала, как сделана изобретенная И. Дончаковым печная труба; как выглядело бы крыло огромного деревянного орла, если бы хозяин успел его доделать; для чего музею старые чемоданы и какая технология была изобретена для использования коры дерева в оформлении фасадов дома... Конечно, казус Усть-Лабинской возможен только там, где есть такие самородные непрофессиональные таланты, «стягивающие» к себе творческую энергию таких же непрофессионалов, ищущих место приложения своих сил в условиях сравнительно ограниченных предложений работы (скрытая безработица) и малочисленного населения. В свое время В. Л. Глазычев писал, что успешность города в немалой степени зависит от его размеров: чем меньше город и чем больше в нем «накал» креативности, тем больше вероятность повысить его рейтинг за счет осуществления культурных проектов. Иркутск слишком велик и разнокачественен, чтобы воспользоваться ресурсом наивного или непрофессионального искусства: и то, и другое не укоренено в жизни города, имеющего серьезную художественную традицию и опирающуюся на авторитет добротного профессионализма.

Слушая высказывания живописцев, керамистов, графиков, работающих в Иркутске и связанных с его менталитетом, я обнаружила одну особенность, которая, возможно, является достаточно распространенной в настоящее время, но имеет в Восточной Сибири свою оригинальность. Это увлечение языческой культурой, ее символами. Совершенно понятно, что в краю многочисленных памятников первобытной живописи и скульптуры на них невозможно не обратить внимания. Мне кажется, что дело обстоит прямо противоположным образом: интерес к язычеству стал причиной того, что появляются многочисленные подражания писаницам, шаманским символам, воспроизведениям шаманских обрядов, а памятники первобытности становятся местами паломничества или туристического интереса. Декоративно-прикладное, ювелирное искусство, скульптура и живопись не копируют, а творчески перерабатывают этот материал верований и ритуалов коренных народностей Сибири. Особенно явно это чувствуется на Ольхоне. Здесь сначала интуитивно, а потом и вполне целенаправленно стали культивировать мифы, обряды, символы бурятского шаманизма, не отрицая и не запрещая всякую другую мифологию и верования. Так «место силы» становится местом встречи культур. Усиление языческого менталитета ощущается и в установках интеллектуалов относительно Иркутска. Один грамотный художник нынешним летом сказал мне: «Если переводить с бурятского языка название города, то оно значит – город-мужчина, не злой, не агрессивный, но суровый». Я вспомнила об идеологии «сурового героя», сформулированной когда-то К. Лидиным.

Но в мифологии есть и другие ресурсы. На конференциях все чаще предлагаются стратегии конструирования

локальных мифологий и архетипов как пространства воображения, моделью которых может стать «исторически первичная» мифология древности. Она может возникнуть и из необходимости увеличить туристическую привлекательность Иркутска; так уже начинает происходить с созданием «Мифов 130 квартала».

Напоследок свяжу мифы и искусство – не только в том отношении, что миф требует художественной обработки, чтобы стать востребованным. Миф как факт архаического сознания представляет собой форму наиболее абстрактную, «скудно-всеобщую» (по выражению Гегеля), что само по себе дает возможность великого множества интерпретаций и дополнений как в области формального поиска, так и содержательного наполнения мифологических текстов.

Итак, ресурсы Иркутска как периферного города располагаются в сфере культуры и внушают оптимизм. Но, как в любом современном процессе, без «впрысков» индивидуальной творческой энергии не обойтись. Ни массовые карнавалы, ни даже стихийно возникающие флеш-мобы дефицита концептуальных импульсов для ментального движения в области формирования образа заполнить не смогут. Нужны усилия и придание этим усилиям достаточно ощутимого и лично-авторитетного для общественного мнения уровня.

Литература

1. Ткачева М. Поиск образа города // Проект Байкал. – 2007. – № 13. – С. 26 – 29.
2. Ткачева М. Гость фестиваля – Георги Станишев // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 20-21.
3. Бурдые П. Производство веры. Вклад в экономику символических благ. – В кн.: Социальное пространство: поля и практики. Пер. с фр. / Сост., общ. ред., пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. – С. 177-280.
4. Коллинз Р. Социология философий. / Русский перевод Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейм. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – С.79.
5. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в 6 т. / Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Ред. пятого тома В. Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1966. – Т. 5. – С.100-249.
6. Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика. В 4 т. / Под ред. и с предисл. Мих. Лифшица. – М.: Искусство, 1968. – Т. 1.
7. Кант И. Ук. соч. – С. 205.
8. Кант И. Ук. Соч. – С. 214.
9. Кант И. Ук. соч. – С. 223.

References

- Burdieu, P. (2005). Proizvodstvo very. Vklad v ekonomiku simvolicheskikh blag [The production of belief. Contribution to an economy of symbolic goods]. In N. A. Shmatko (Trans. & ed.), *Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices] (pp. 177-280). Saint Petersburg: Aleteia; Moscow: Institut eksperimentalnoi sotsiologii.
- Collins, R (2002). *Sotsiologiya filosofii* [The sociology of philosophies]. (N. S. Rozov & Yu. B. Vertgeim, Trans.). Novosibirsk: Sibirsky khronograf.
- Hegel, G. W. F. (1968). *Estetika. V 4 t.* [Aesthetics. In 4 vols]. M. Lifshits (Ed.). Vol.1. Moscow: Iskusstvo.
- Kant, I. (1966). *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Criticism of the ability to judge]. In V. F. Asmus, A. V. Gulyga & T. I. Oizerman (Eds.), *Kant. I. Sochineniya v 6 t.* [Compositions in 6 vols]. Vol.5, V. F. Asmus (Ed.) (pp. 100-249). Moscow: Mysl.
- Tkacheva, M. (2007). *Poisk obraza goroda* [Searching for the image of the city]. *Project Baikal*, 4(13), 26-29. DOI: <http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.13>
- Tkacheva, M. (2017). *The Festival Guest Georgi Stanishev*. *Project Baikal*, 14(52), 20-21.